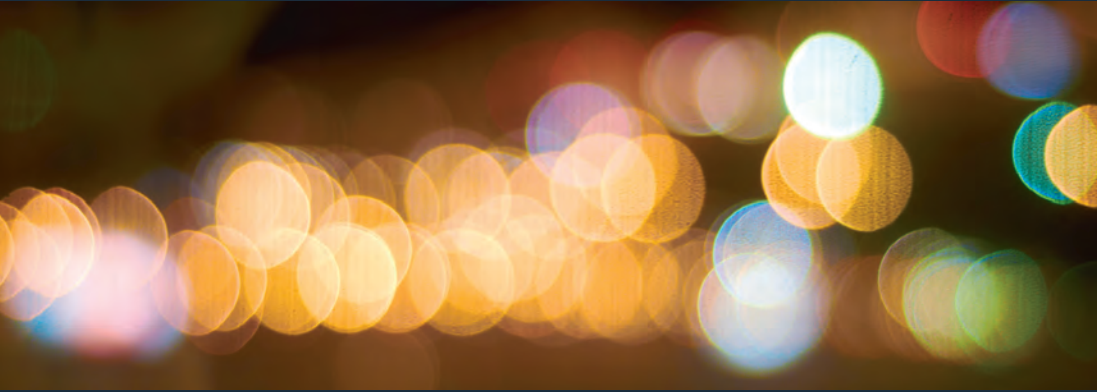

Александр Косарев

Верные. Слешные. Немногие

Александр Костарев

Верные Смешные Немногие

Москва

«Воймега»

2014

УДК 821.161.1-1 Костарев
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
К72

Художник серии: Сергей Труханов

А. Костарев
К72 Верные. Смешные. Немногие. — М.: Воймега, 2014. — 44 с.

ISBN 978-5-7640-0159-3

Книга издана при поддержке Алексея Коровина.

© А. Костарев, текст, 2014
© С. Труханов, оформление, 2014
© «Воймега», 2014

Посвящается Ольге

* * *

Если нам повезёт, если нас не убьют
террористы и вирусы,
мы, должно быть, навеки останемся тут,
зарубцуемся, вырастем.

Будем мёрзнуть зимой и планировать, как
оторвёмся на майские,
ждать, пока перескочит весенний сквозняк
через горы Уральские.

Да пойдём по прямой от отеля «Хайятт»,
под стадами овечьими,
до моста, где замки с именами висят,
что любви долговечнее.

* * *

Будет у нас своё
самое жаркое лето,
небо и водоём,
фото, где мы вдвоём.

Будут у нас свои
зимы за минус сорок,
кровапролитные ссоры,
кухонные бои.

Будет у нас совсем
как у людей. Собака,
кошка, «погладь рубаху»
и «заведи на семь».

Будут у нас гостить
и оставаться на ночь.
Мы позабудем напрочь
тех, с кем могли бы жить.

Будут свои у нас
стены и в окнах щели,
маленькие качели
на турнике и газ

в каждой конфорке. Ты
будешь сидеть на кресле
и говорить: «А если...»
Я принесу цветы.

Будут еда, вода,
белая в пятнах скатерть,
зеркало, где мелькать мы
будем туда-сюда.

Лет, например, до ста
будем, но перестань.

* * *

О. Л.

Всё о тебе да о тебе,
и не могу переучиться.
Наверно, мне пора лечиться.
Всё о тебе да о тебе.

Иначе нужно, о другом.
Я пробовал — не получилось.
Я пропитался, облучился,
и вот отныне ты кругом.

Кафешка, университет,
нелепые, смешные встречи,
скудные, сдержанные речи.
— Привет.
— Привет.

Обнять тебя. Прижать к груди.
Не уходи. Не уходи.
Останься пёрышком на свитере.
Февральским прошлогодним Питером.
Полоской света позади.

* * *

За проезд платили, в билет смотрели,
и автобус ехал сквозь долгий сумрак,
потому что счастье на самом деле —
совпадение суммы.

Совпадение суммы случайных чисел.
И автобус ехал, битком набитый,
мимо банков, рынков, аптек, училищ —
по своей орбите.

Потому что счастье — почти работа,
соблюденье, некая завершённость.
Потому что цифры считает кто-то
с видом отрешённым.

* * *

Говоришь о вселенской разрухе,
будто всюду взрывается газ
бытовой, но — возьми себя в руки —
есть руина, лежащая в нас.

И её не заставить лесами,
не завесить плакатами, в ней
то, что мы понемногу списали,
то, что старше нас, то, что сильней.

Но дана нам печальная лира
и зарытый внутри Аркаим,
чтоб не путать безумие мира
с персональным безумьем своим.

* * *

Один мудрый поэт говорил мне: зоркость и ясность,
больше реальности, там, «закурил», «перешёл дорогу».
Нужно просто писать о чём знаешь и не бояться
рифм-нимфоманок, а опыт придёт понемногу.

Фразы шаблонные действуют моментально,
повышают никчёмность стиха на ноль-пять промилле.
А ещё говорил: чтобы было документально,
ты добавь, как приправу к бульону, имён-фамилий.

И садится на стул с размаху Кирилл Месилов,
а Киргинцева рядом с ним, перекинув ноги
через его колени, как всё же сильно
я люблю их. Красивых. Верных. Смешных. Немногих.

* * *

Лиса поймала мышь, а та как речь —
живая тоже, бьётся в рыжей пасти.
Она её весь день могла стеречь,
как строчку стерегут счастливой масти.

Она её почти что налету
схватила, вспоминая чувство это,
когда живое вертится во рту —
доступное лишь зверю и поэту.

* * *

Февраль в России дольше, чем июнь,
июль и август, но не нужно плакать.
Повсюду грязь; плевки — куда ни плюнь.
Совместными усилиями — слякоть.

Дойду до дома, Пушкина прочту:
«К Овидию», «Друзьям», «Из Пиндемонти».
Подлодка современности в порту
стоит на основательном ремонте.

Я думаю, действительно, к чему?
Мы не пророки — иллюзионисты.
Не лю... В метафизическую тьму
всё валится, к чему ни прикоснись ты.

Платон мне друг, но истина в вине,
я пью за вас, заложники прогресса,
чтоб в комнате не хуже, чем вовне,
чтоб в гости заходила поэтесса.

...и не одна? Звезда, ни говори,
пришла, бесцеремонно так спросила:
Кто натолкнул на это попури
тебя, какая муза укусила?

* * *

Я плохой заклинатель трамваев —
постоянно приходят не те.
С шумом двери свои открывают,
исчезают, гремя, в темноте.

Ни один мне из них не подходит,
на пустой остановке стою.
И уходят, уходят, уходят,
ускользают трамваи на юг.

В страны тёплые, к морю — как птицы.
Довезут за двенадцать рублей.
Ну а мне остаётся напиться:
в окружении трёх голубей,

на конечной, замёрз, скулы сводит,
не звонит и не пишет никто.
Только мимо неспешно проходит
бесконечность в осеннем пальто.

* * *

И двадцать лет назад ещё бы проканалю:
писать про фонари, дворы, скамейки, про
подвыпивших людей, прошедших вдоль канала,
спустившихся в метро.

Писать про Петербург, писать благоговейно,
в лирический бульон добавив матерка,
что, мол, я здесь гулял и даже видел Рейна...
Как будто он — река.

* * *

Вот она, осень, не книжная, не золотая —
только сырая, тоскливая, вставшая в пробку.
Город, спрессованный в точку, и ты — запятая —
размещена не по адресу ангелом робким,

да и безграмотным, после неверного дома,
даже в другой части улицы, — зонтик раскрыла,
ждёшь коренного, как будто в войну, перелома,
а ведь у ангела, кажется, склеены крылья.

Вот она, осень, и с ней-то мы не разминёмся,
как самолёт в потерявшем доверие небе
и повседневная смерть. Что от нас остаётся?
Чёрные ящики с рифмами, белая небыль.

Воспоминания о ближайшем будущем

В те древние, нетрудные года
я жил по большей части в интернете,
повсюду процветала джигурда
такая, что стыдились даже дети.

И каждый сам себе — изгой, герой,
издатель, идеолог, СМИ. Наверно,
однажды это назовут порой
безудержного перепостмодерна.

(Да, кстати, это слово я украл
у некой новгородской поэтессы.)
Так вот, я выходил почти в астрал,
из дома выходя, — такие бесы

встречались мне, что мама не горюй,
но мама, как две трети населения,
не горевала (я благодарю
её). Ведь не по щучьему велению

дожил до двадцати, сказать честней:
за пазухой, под Богом (или боком).
И мне приятна память этих дней.
Но ширился контент, лилась потоком

неправды обезличенная речь,
и мы, как растревоженные угли,
ещё могли кого-нибудь обжечь.
Эпоха? Я не знал её. Погугли.

* * *

Да здравствует ничто,
завёрнутое в тело,
одетое в пальто,
снующее без дела,

услышавшее звук —
ответившее слово,
лишившееся рук,
вернувшееся снова

туда, где без границ
холодный воздух ранний
перетекает в птиц,
а птицы — в щебетанье.

Рейс Москва — Екатеринбург

Памяти деда

Ну, куда теперь ты? Чем мешки наполнишь?
Много ли там ягод, много ли грибов?
Водится ли рыба? — Не сочти за пошлость —
нам ведь не расслышать этих берегов.

Ночь. Иллюминатор. Только между нами —
о тебе не плачу. (Плакал о коте!..)
Что ты там увидишь мёртвыми глазами?
Золотые кляксы в долгой черноте.

* * *

Ты помнишь, да, душа моя,
как я писал тебе вначале,
мол, ты уехала, а я
остался — повод для печали.

Конечно, как же не извлечь
слова из городского гула,
когда твою живую речь
за поездами утянуло.

Теперь смешно. Вот мы, изволь,
идём с тобой вдвоём и только,
прямо как Симона и Жан-Поль,
нет-нет, как Александр и Ольга.

* * *

Это время окрашено белым,
чтобы перебороть пустоту,
набери мне сто писем пробелом,
я их после тебе перечту.

Мы по тысяче роликов снимем:
ничего не понятно и смех.
Это время окрашено синим,
будто неба хватило на всех.

Вот такая картинка в раскраске:
бухта, горы и каменный пляж.
Каждый день завершается красным.
Время сохнет, его макияж

примелькался и так, между делом,
навевает на жителей грусть.
Набери мне сто писем пробелом,
я их выучу все наизусть.

* * *

Ты здесь, мой друг, ты близко-близко,
хотя мне кажется порой,
что надо выучить английский,
чтоб разговаривать с тобой,

как раньше на родном. Так зыбко
всё то, чему случилось быть.
Я, не убрав с лица улыбки,
спокойно дал себя убить.

Ты веришь в перевоплощенья,
но, чтобы не наделать зла,
в двух вариантах возвращенье
возможно: камни и зола.

* * *

Когда я вырасту, я буду
водить второй вагон трамвая,
мне кажется, я справлюсь. Это
нетривиально и к тому же
не причинит стране вреда.

Я думаю, что всех поэтов
нужно учить на машинистов
вторых вагонов, выдавать им
права особых категорий
и семинары проводить

два раза в год по повышению
квалификации. Работа
что надо! Так же актуальна,
как актуальные стихи.

* * *

Детство ушло дорогами жёлтого кирпича,
медленно закатилось мячиком под машину
или лежит под стёклышком, что по нему скучать?
Нет ни одной причины.

Светятся изумрудами новые города,
сами себе на память там будут жить другие.
Так по вещам, которых и не было никогда,
чувствуешь ностальгию.

* * *

Воздух, вкрапленья больших стрекоз.
Озеро в блеске пропавших блёсен.
Ветер, что с берега звук принёс,
тащит его до верхушек сосен,
где ему встретится звук другой,
тот, что не слышали мы с тобой.

Полдень. Повсюду разбросан свет,
и паутинка, рукой задета,
вдруг исчезает в тени, но нет,
снова видна. И проходит лето,
и незамеченным — мимо нас —
то, для чего не хватает глаз.

* * *

Скала называется — Парус, посёлок — Джанхот,
но то адыгейский, а если по-русски: «счастливый».
Вот видишь, всё сходится, рви незрелые сливы
и в кошку кидайся, что в доме-музее живёт,

короче, выделявай глупости, чтоб оправдать
название, молодость, временность, шорты, вьетнамки,
бросайся на волны и смейся над шутками — нам ли
грустить? — в этом диком предгорье — и нам ли страдать?

Так двинем вдоль берега, воздух вдыхая морской,
чтоб пообтесаться немного, как битые стёкла,
и, может быть, что-то действительно вздыбится, ёкнет
и Чёрное море окажется красной строкой.

* * *

А мне сегодня, представляешь,
престранный сон приснился, где
мы по Венеции гуляем,
как будто ходим по воде,

и чайки — там бывают чайки? —
о чём-то жалуются нам
и пересказывают байки
адриатическим волнам.

Никто и не заметит, если
мы тут походим в стороне
и пропадём в закатном блеске,
неисцелимые вполне.

* * *

Не было ничего,
кроме тебя такой.
Неба над серым го
с серой его рекой.

Не было ни черта —
этих домов-домов.
Может быть, только та
фотка да пара слов,

что ты сказала мне,
что я тебе сказал.
Не было, было, не...
Разве в твоих глазах,

как отраженье: тень,
блики и голоса,
долгий июньский день,
веточка в волосах,

что-то ещё, ещё,
скрипка без скрипача,
маленькое плечо
и поворот плеча,

чёрная кошка, чай,
твой неуёмный смех,
всё, что мы невзначай
вытянули из тех

мест, где туман густой
и облака — его.
Кроме тебя такой,
не было ничего.

* * *

Просидишь весь день за своим компом,
в мониторе тонешь (какая драма!),
и уже не хочется ни о ком,
да и сам едва ли не голограмма.

То ли выпал снег, то ли это фон
за окном сменили, опять на белый.
Но настанет утро, и выйдешь вон,
и продолжишь вновь совершать набеги

на места культуры, еды, питья,
а потом срастёшься с толпой в маршрутке,
где на всё, что мыслится, есть статья
и любое горе сводимо к шутке.

Просидишь всю ночь, а потом ещё,
а потом уснёшь и тебе приснится,
будто жизнь твоя по щекам течёт.
И её глаза. И её ресницы.

* * *

Я, неживой как будто,
выеденный, ничей,
посланный на три буквы, —
еду на Семь ключей.

Ибо всегда всё делал
наперекор, хоть плачь,
радостный лжесвидетель
собственных неудач.

Вылезти на конечной,
что-то под нос бурча,
и не найти, конечно,
ни одного ключа.

Что же, шагать по снегу
да ворошить его.
Люди вообще вон в «Мегу»
едут, и ничего...

* * *

Это после никчёмного дня —
стойкий ужас нахлынувшей ночи,
что идёт и идёт сквозь меня
и не хочет оставить, не хочет

называть себя музыкой сфер,
что играла, но сделалась тише.
Если я вдруг умру, например,
по случайности — ты не простишь мне.

Кто-то будет тебя целовать,
кто-то небо молитвой подкормит...
Но кому надиктует слова
губ твоих стихотворная форма?

* * *

Как птица, залетающая в класс,
становится ловушкой для глаз
и заслоняет формулы иные,
так образ твой присутствует во мне.
Читал бы книгу, лёжа на спине,
все выходные,

да разучился. Строчки до конца
не доберусь, чтоб твоего лица,
точнее призрака, не вызвать понапрасну.
И ты плывёшь, весёлый свет струя,
ко мне, великолепно не моя.
Тем и прекрасна.

* * *

Кириллу Азёрному

Посмотри, как меняется мир в зеркалах,
как вода по воде умирает от жажды,
как выходит наружу беспомощный страх
и рассказ начинается словом «однажды».

...мы вернёмся домой, никому не сказав
наших новых имён и не выдав недуга,
отражением, запертым в мутных глазах
захмелевшего друга.

* * *

Напиши мне книгу о том, как мы
магазин открыли в селе Аскат,
убежав из города, взяв займы,
как никто не кинулся нас искать.

Напиши мне горы и речку, там
мы поставим дом во второй главе,
пусть стекает время по зеркалам,
пусть бежит по мокрой густой траве.

А когда наскучат тебе вконец
сочетанья слов да стишки в альбом,
напиши мне мальчика на коне,
напиши мне девочку в голубом...

Вырывай страницы и комкай их,
не жалея несколько огромных глаз,
да и кто ещё, кроме нас самих,
прочитает этот смешной рассказ?

* * *

Многолюден, но бесчеловечен
зимний вечер, центральный проспект,
где рекламным безумьем подсвечен
скучных лиц безупречный доспех.

Мне здесь жить и работать на ощупь,
худо-бедно скучать по тебе,
то и дело бежать на всеобщий
ежедневный турнир по ходьбе.

Мне летать в аппаратах летальных
над фавелами памяти, мне
примерять башмачок твой хрустальный
всем подряд, мне увидеть во сне,

как пространство сжимается в точку
и в контексте того января
ты сначала встаёшь на носочки,
а потом понимаешь, что зря.

* * *

Олегу Дозморову

Я в детстве не любил ни суп, ни кашу.
Сидел, тарелку ложкой ковырял.
«За бабушку и за сестрёнку, Саша,
ещё немного!» Этот сериал
тянулся, и, чтоб как-нибудь ускорить
процесс, мне обещали, что на дне,
когда всё съем, увижу я такое,
что небезынтересно будет мне:
рисунок, в смысле, да, — изображение,
ну, зайчик там, слонёнок или лев.
Так любопытство и воображенье
за аппетит работают в пять лет.
Невинная и милая уловка,
а дальше я справлялся как-то сам.
И, мигом вылетая из столовки,
служил не кулинарным чудесам.

По-прежнему завал и нет ответа,
что я увижу, вычерпав до дна
всю эту муть? Подобие рассвета,
картинку, что пока мне не видна?

* * *

Под деревьями скамья,
вишня сладкая, вот это —
ты сидишь, а это — я,
только позапрошлым летом.

Я теперь и не знаком
с ним. Он медленно из парка
вышел и пошёл, тайком
улыбаясь, через арку,

а потом по мостовой,
пережитое смакуя,
будто прятал за щекой
косточку от поцелуя.

* * *

Время неизлечимо —
все мы больны одним.
И никакой причины,
чтоб не прийти за ним,

кто бы он ни был, кто бы
ни защищал его
словом любви от злобы
времени самого.

Близнецы

В беспокойной, бессвязной, недолгой ночи городской
я тебе расскажу те слова, что дымятся на сколе
неразбитого сердца. Садись, закрывай гороскоп,
потому что об этом не пишут в твоём гороскопе.

Ты же видишь не хуже меня тот последний вокзал,
где мы вечно стоим, как во сне, — не решаясь обняться —
на пустынном перроне и смотрим друг другу в глаза,
и неясно, кому уезжать, а кому оставаться.

Так и знай, свой оранжевый космос вверяя иным
многолюдным пространствам: нам больше не нужно прощаться.
Не записано это нигде, но, по данным моим,
Близнецам уготовано — верь мне — нелёгкое счастье.

Потому что есть чёрное небо под белой луной,
да и много такого, чего не видеть в телескопе.
Не по той ли причине ты сможешь остаться со мной,
что об этом упорно не пишут в твоём гороскопе?

* * *

Выходят из ночного клуба
и в круглосуточный ларёк
бегут, меж делом огонёк
спросив у двух сидящих в клумбе.

Кричат за перекрёстком: «Глеб!
Ты где пропал? Тебя же ищут».
И мёрзнет на скамейке нищий
под вывеской «Горячий хлеб».

Мы едем на такси домой,
а ночь растёт неудержимо,
и до того непостижима
вся эта жизнь с её тоской.

* * *

Где-то в Европе, в кафешке, в кресле
(пусть так и будет) сидишь, и если
даже вернёшься, то не всерьёз.
Как бы мы жили в одних широтах,
вместо зеркал друг для друга, что ты,
мой генератор случайных слёз,

слёз и улыбок, нам было б грустно
в этом пустом, повсеместном, русском,
диком предгорье, но не ландшафт
это теперь, а такое время,
что, напиши только: «Здравствуй, племя
мла...» — постареет твоя душа.

Но, окажись ты в моих объятьях,
в красном, оранжевом, белом платье,
мы бы не знали, куда нам плыть, —
быт ли, не быт; я твержу годами
эти стихи о прекрасной даме,
значит, других и не может быть.

Содержание

«Если нам повезёт, если нас не убьют...»	5
«Будет у нас своё...»	6
«Всё о тебе да о тебе...»	8
«За проезд платили, в билет смотрели...»	9
«Говоришь о вселенской разрухе...»	10
«Один мудрый поэт говорил мне: зоркость и ясность...»	11
«Лиса поймала мышь, а та как речь...»	12
«Февраль в России дольше, чем июнь...»	13
«Я плохой заклинатель трамваев...»	14
«И двадцать лет назад ещё бы проканалю...»	15
«Вот она, осень, не книжная, не золотая...»	16
Воспоминания о ближайшем будущем	17
«Да здравствует ничто...»	18
Рейс Москва — Екатеринбург	19
«Ты помнишь, да, душа моя...»	20
«Это время окрашено белым...»	21
«Ты здесь, мой друг, ты близко-близко...»	22
«Когда я вырасту, я буду...»	23
«Детство ушло дорогами жёлтого кирпича...»	24
«Воздух, вкрапленья больших стрекоз...»	25
«Скала называется — Парус, посёлок — Джанхот...»	26
«А мне сегодня, представляешь...»	27
«Не было ничего...»	28
«Просидишь весь день за своим компом...»	30
«Я, неживой как будто...»	31
«Это после никчёмного дня...»	32
«Как птица, залетающая в класс...»	33
«Посмотри, как меняется мир в зеркалах...»	34
«Напиши мне книгу о том, как мы...»	35
«Многолюден, но бесчеловечен...»	36
«Я в детстве не любил ни суп, ни кашу...»	37
«Под деревьями скамья...»	38
«Время неизлечимо...»	39
Близнецы	40
«Выходят из ночного клуба...»	41
«Где-то в Европе, в кафешке, в кресле...»	42

Александр Костарев. Верные. Смешные. Немногие

редактор:

А. Переверзин

художник:

С. Труханов

корректор, технический редактор:

О. Тузова

Авторы фотографий – И. Махнёв, О. Левченко.

издательство «Воймега»

voymega@yandex.ru

alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 30.05.2014.

Формат издания 60x90/16. Усл. печ. л. 2,75

Тираж 400 экз.

Александр Костарев родился в 1990 году в Свердловске. Окончил бакалавриат философского факультета Уральского федерального университета, учится в магистратуре. Стихи публиковались в журналах «Октябрь», «Волга», «Урал», «Гвидеон», альманахах «Красными буквами», «Сны Просперо», «Екатеринбург 20:30» и других. Лауреат Волошинского конкурса (2013) в номинации «Рукопись неопубликованной книги».